

Дина Рубина
«Все тот же сон!..»

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

«Все тот же сон!..» / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-02113-7

ISBN 978-5-425-02113-7

© Рубина Д. И.

© Эксмо

Содержание

Дина Рубина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дина Рубина «Все тот же сон!..»

Моя никчемность стала очевидной годам уже к тринадцати. С точными науками к тому времени я отношения выяснила, а высокие помыслы и сердечный пыл, круто замешенные на любви к литературе, тщетно пыталась приспособить к какому-нибудь делу. Вообще в отрочестве меня одолевал зуд благородной деятельности.

Например, в восьмом классе я влезла в школьный драмкружок и ухитрилась сыграть роль Григория Отрепьева в трагедии Пушкина «Борис Годунов».

Мы собирались ставить две сцены – «В келье» и «У фонтана». Теперь необходимо представить меня: бледное дитя подросткового периода. Очки в детской оправе, сутулость и бестолковые руки. Вегето-сосудистая дистония и, конечно же, мальчишеская стрижка, я же современная девочка.

Разумеется, я претендовала на роль красавицы Марины Мнишек. Но наша классная руководительница Баба Лиза распределяла роли, руководствуясь соображениями педагогического характера.

– А тебе мы поручаем играть Самозванца, – сказала она.

Баба Лиза преподавала нам литературу. Это была пожилая гипертоничка, тянущая, как запряженный вол, две ставки и общественную нагрузку – школьный драмкружок. Думаю, она мечтала о пенсии, но боялась, что дети повесят на нее гроздь внуков. Из-за страшной занятости Баба Лиза уже лет двадцать не могла выкроить минутку, чтобы взглянуть на себя в зеркало и убедиться, что время, увы, не стоит на месте. Только этим можно было объяснить пунцовый маникюр на ее дутых старческих пальчиках и глубокие вырезы на платьях. Ее пухлая шея перетекала в мощно отлитый бюст, который, в свою очередь, плавно переходил в колени. В углублении выреза, ущемленное бюстом, неизменно выглядывало поросячье ушко носового платка. Но самым примечательным был ее голос. Баба Лиза булькала, как суп в кастрюле на тихом огне.

– Лизветсеменна, а почему мне – Самозванец? – канючила я. – Он отрицательный, он из меня не получится...

Баба Лиза вытянула из выреза платок за поросячье ухо, обстоятельно высморкалась.

– Хватит придуриваться, – посоветовала она доброжелательно и затолкнула платок обратно. – Посмотри в свой дневник: алгебра – два, два, три, физика – три, три, два. Нормальный из тебя Самозванец.

Роль монаха Пимена досталась моему однокласснику, шпане большого полета Сеньке Плоткину. Сколько помнила я Сеньку, чуть ли не с первого класса он, как боевой самолет, всегда был «на вылете». Едва успокаивался один скандал, вызванный Сенькиной проделкой, как тут же вспыхивал другой. На недавнем комсомольском собрании решено было на Плоткина влиять, и при распределении ролей сочли, что лучше Пушкина вряд ли кто сможет повлиять на Сеньку.

– Плоткин, ты у нас будешь Пименом, – деловито сообщила Сеньке Баба Лиза. – Или пеняй на себя.

Тот задохнулся от возмущения.

– Я ж спортивный сектор! – завопил он. – Все на одного валить, да?!

– Плоткин, ты свои обстоятельства знаешь, – невозмутимо напомнила Баба Лиза. – Ты на вылете.

Словом, Сенька был приперт к стене. Ему, как и мне, ничего не оставалось делать, как сунуть голову в хомут постылой роли. С той только разницей, что во мне все-таки бушевала любовь к литературе, а в Сеньке – совсем иные силы.

...На первой читке, взглянув в столбцы убористых строк, Сенька обезумел от горя.

– На фиг!! – орал он дурным голосом. – Я такого за сто лет не выучу! Здесь все слова непонятные!

– А про детскую комнату милиции тебе все понятно, Плоткин? – холодно осведомилась Баба Лиза. – Или забыл, что ты на вылете?

Итак, в гулком актовом зале, под стенгазетой «Заботливая женская рука», оставшейся висеть еще с восьмимартовского праздника, мы начали репетиции. Сенька был демонстративно безразличен и туп.

Он делал бычий взгляд, прежде чем прочесть реплику, отваливал нижнюю челюсть, и без того, надо сказать, тупую и тяжелую, мычал и намеренно путал текст.

– Э... э... э... и пыль веков... мм... мм... от хари отряхнув...

– «От хартий», Плоткин, «от хартий!» – булькала Баба Лиза. – Читай внимательно: «И пыль веков от хартий отряхнув».

Мне тоже не нравилась моя роль, я не знала, как подступиться к Григорию Самозванцу. Вот с Мариной Мнишек все было ясно, тем более что дня два я репетировала Марину дома, перед зеркалом: высокомерно изгибала бровь, вздергивала подбородок и прикрывала лицо веером – признак коварства... А Самозванец? Ну как прикажете играть человека, если «ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая»?!!

Но, в отличие от Сеньки, и – повторяюсь – из любви к литературе, текст я проговаривала четко, с некоторой затаенной злобностью, чтобы дать намек на далеко идущие планы Григория.

Так мы репетировали в пустом актовом зале – запинаящийся туповатый Пимен и злобный Самозванец. Мною Баба Лиза была очень довольна, когда же вступал Сенька – морщилась, вытягивала из выреза платок и прочищала нос.

Наконец, Сенька дополз до заключительных слов Пимена: «Поддай костыль, Григорий...»

Он заржал и, подняв голову, заинтересованно спросил:

– А где костыль-то?

– Какой костыль? – Баба Лиза вздремнула, возглас Сеньки ее пробудил.

– Ну вот написано: «Поддай костыль, Григорий», – значит, она мне должна костыль подать, и я похрамаю отсюда.

– Обойдешься без костыля.

– Почему? – неожиданно возмутился Сенька. – Если Пушкин про костыль написал...

– Ну швабру возьмешь, – примирительно посоветовала я Сеньке.

– Еще чего – швабру! А они, в зале, что – дурные? Швабру от костыля не отличат?

Сенька очень воодушевился. На переменах подбегал ко мне и повторял на разные лады: «Поддай костыль, Григорий!» – то грозно, то устало-дружелюбно, то слезно-умоляюще... За весь день он так осточертел мне с этим костылем, что, когда на алгебре больно ткнул ручкой мне между лопаток, прошипев восторженно: «Поддай костыль, Григорий», – я взвыла и, крикнув: «На!», стукнула Сеньку портфелем по башке.

На другой день, подходя к школе, я увидела Плоткина. Он стоял перед входными дверьми, наваясь на костыль и подогнув ногу, а увидев меня, сорвал с головы кепку и протянул ее с радостным воплем: «Поддай, Григорий!!!»

– У дедки выпросил! – счастливо сообщил он. – Дед у меня пять лет назад ногу ломал, целых два месяца, как кузнечик, на костыле скакал. А я вчера в сарай полез, гляжу – лежит костылик, родимый! Еле у дедки выпросил его!

Репетировал Сенька в этот день совсем по-другому. Правда, на протяжении всей сцены он несколько томился в ожидании заветной реплики, но зато уж ее выдал как следует – кряхтя, с хрипотцой, со вздохом. В нужный момент я подала Сеньке костыль, и он пошел прочь, тяжело наваливаясь на него всем телом.

После репетиции мы побежали относить костыль на третий этаж, в учительскую, где велела хранить его Баба Лиза. Сенька упорно скакал на одной ноге, опираясь на костыль, охая и заваливаясь набок. При этом он чуть не сбил с ног Захара Львовича, нашего завуча.

– Плоткин, что за вид? – устало спросил завуч.

– Захар Львович, я репетирую! – радостно выпалил Сенька. – Я монах! Еще одно, последнее сказанье!

– Плоткин, предупреждаю: еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена твоя, – сказал на это Захар Львович. – Ты и так давно на вылете.

...Текст Сенька учил тяжело, медленно, многих слов не понимал. Зато когда, наконец, выучил наизусть роль Пимена, стали происходить с Сенькой странные вещи.

После одной из репетиций он позвонил мне домой.

– Слышь, Григорий, – сказал Сенька, – я тебе вот что хотел сказать – ты, это... когда просыпаешься, не вопи...

– Когда – просыпаюсь? – оторопело переспросила я. Сенькин звонок оторвал меня от «Клуба кинопутешественников».

– Ну, когда в келье просыпаешься и начинаешь – «Все тот же сон!» – ты это... не ори, не надо.

– Я не ору, – обиделась я. – Просто я хорошо артикулирую.

Сенька замешкался с ответом, видно, не знал слова «артикулирую». Потом сказал:

– Нет, правда, Григорий. Ты же проснулась. Ты со сна еще не понимаешь – где сон, где жизнь, где ты лежишь... Ты это... бормотать должна...

– Это ты все бормочешь, дурак! – вспылила я. – Потому что двух слов связать не можешь! И не лезь в мою роль! Костыль несчастный!

Я бросила трубку и пошла досматривать «Клуб кинопутешественников». Но Сенькина наглость не давала мне сосредоточиться. Он позвонил минут через двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.